

6-8 декабря 2008 г. в Независимом Московском Университете прошла очередная европейская конференция по формальному описанию славянских языков (Formal description of Slavic languages -- FDSL-7.5). С 1995 по 2005 г. конференции цикла FDSL проходили с двухлетним перерывом попеременно в Лейпциге и в Потсдаме; в 2006 г. FDSL с номером 6.5 прошла в г. Нова Горица (Словения). FDSL-7.5 в Москве – первая международная конференция по современной формальной славистике, проходящая в России. Ее организаторами выступили молодые ученые из МГУ им. Ломоносова (Ф.И. Дудчук, С.А. Минор, Е.А. Пшихотская), Независимого Московского Университета (Д.А. Эршлер) и выпускники МГУ, ныне обучающиеся в аспирантуре Массачусетского технологического института (MIT) (Н.В. Ивлиева, А.В. Подобреев). Конференция прошла при поддержке компании Авиакomp Сервисез. Рабочим языком был английский. В качестве приглашенных докладчиков выступили Х. Филип (Н. Filip, Университет штата Флорида, США), О. Матушанская (О. Matushansky, Университет Утрехта, Нидерланды) и Дж. Бейлин (J.F. Bailyn, Университет штата Нью-Йорк, г. Стоуни Брук, США).

В конференции приняли участие более двадцати ученых из России, Восточной и Западной Европы и США, сообщения которых были в основном посвящены проблемам синтаксиса и семантики; рассматривались также вопросы морфологии и усвоения языка. В докладах был представлен довольно широкий спектр теоретических направлений: разные варианты поро-

дающей грамматики в ее «минималистской» версии, грамматика конструкций, формальная (теоретико-модельная) семантика, семантическая теория Московской семантической школы. Более всего в докладах были представлены данные русского языка (исключительно или в сопоставительном плане), но в ряде исследований рассматривался также материал чешского, болгарского, словенского, сербохорватского и польского языков.

Х. Филип в докладе «Individuation, quantification and aspect» («Индивидуация, квантификация и аспект») рассматривала различные проблемы описания семантики видовых категорий и способов действия в славянских языках в свете формально-семантического подхода. В частности, она указала на то, что такие часто используемые в аспектологических исследованиях понятия, как «квантованность» и «кумулятивность» лишь в весьма ограниченной степени применимы при описании семантики глагольных приставок в славянских языках, для исследования которых более адекватным оказывается разрабатываемый Филип аппарат функций меры.

О. Матушанская в докладе «Some cases of Russian» («О некоторых русских падежах») предложила во многом новаторский и интересный подход к описанию морфосинтаксиса падежей в русском языке, основная идея которого заключается в том, что падеж (точнее, более абстрактные признаки, комбинации которых морфологически реализуются при помощи падежных показателей) приписывается составляющей всеми синтаксическими вершинами (как лексическими, так и функциональными),

от которых она зависит. Такая теория падежа способна описать существенно более широкое множество фактов, нежели традиционно принятые в порождающей грамматике концепции «абстрактного падежа», и может изящно объяснить различные случаи вариативности падежного маркирования.

Дж. Бейлин в лекции «Out of control and in a bind: Weak vs. strong derivationality» («Слабая vs. сильная деривационность») рассмотрел на материале славянских языков ряд актуальных теоретических проблем «минималистской программы», в частности, вопросы описания грамматической анафоры и свободного порядка слов.

Дж. Макдональд (J.E. MacDonald) и А. Маркова (A. Markova, Автономный университет Барселона, Испания) в докладе «Variation and Bulgarian inner aspect» («Вариативность болгарского внутреннего аспекта») рассмотрели поведение болгарских двувидовых глаголов в сравнении с глаголами, вступающими в маркированные аспектуальные оппозиции, а также с глаголами английского языка, и предложили возможные пути описания обнаруженных ими сходств и различий. Ю.Л. Кузнецова (Университет Тромсё, Норвегия) и Е.В. Рахилина (ИРЯ РАН, Москва) в докладе «Russian depictives and attributes: The role of the verb» («Депиктивные и атрибутивные конструкции в русском языке: роль глагола») рассмотрели семантику русских конструкций типа *Он вернулся пьяным* vs. *Он вернулся пьяный* и показали, что для конструкций с творительным падежом важно значение противопоставления утверждаемого признака какому-либо другому; особое внимание авторы уделили свойствам глаголов, употребляющихся в данных конструкциях.

Ф. Дамонте (F. Damonte) и Дж. Гарзонио (J. Garzonio, Университет Падуи, Италия) в докладе «Чтобы и модальность в русском языке» («Союз *чтобы* и модальность в русском языке») рассмотрели возможность синхронно анализировать русский подчинительный союз *чтобы* как сочетание союза *что* и частицы согласительного наклонения *бы*. Авторы уделили внимание таким проблемам, как удвоение *бы* в разговорной речи, сочетаемость союзов и *бы* с глагольными формами, существование сочетаний *бы* с другими союзами. Е.Г. Былинина (Москва) в докладе «Depreciative indefinites: Evidence from Russian» («Уничижительное употребление неопределенных местоимений: данные русского языка») рассматривала «уничижительные» употребления неопределенных местоимений *то*-серии (например *Подумать только, какая-то мышь* - *млекопитающее*) и предположила, что оценочное значение может

возникать как импликатура на основе другого нетривиального употребления *то*-местоимений, когда говорящий не знает об объекте ничего, кроме его названия (ср. *Она теперь какая-то отжигальница*). Н.А. Слюсарь (N. Slioussar, Университетский колледж, Лондон, Великобритания, и СПбГУ) в докладе «Russian data call for relational information structure notions» («Русские данные требуют относительных понятий информационной структуры») высказала гипотезу, что для адекватного описания порядка слов и интонации в русском языке необходимо оперировать не «абсолютными» понятиями вроде «тема», «фокус» и т.д., а «относительными», т.е. «большая / меньшая доступность референта» и «большая / меньшая коммуникативная выделенность».

В.Ю. Апресян (ИРЯ РАН, Москва) в докладе «Truth in Russian: Good or bad?» («Правда в русском языке: хорошо или плохо?») проанализировала семантику русских слов *правда* и *истина* и предположила, что употребление слова *правда* в функции уступительного союза объясняется негативными коннотациями основного значения данной лексемы. Ю. Родина (Университет Тромсё, Норвегия) в докладе «A cue-based approach to the acquisition of grammatical gender in Russian» («Признаки, влияющие на усвоение грамматического рода в русском языке») продемонстрировал результаты исследования усвоения детьми грамматического рода у трех групп русских одушевленных существительных, морфологический род которых не совпадает с семантическим / грамматическим. Оказывается, что дети до 4 лет, как правило, приписывают род на основании морфологической формы слова и лишь в более старшем возрасте усваивают семантическое согласование вроде *наша врач пришла*. Синтаксическому моделированию различных стратегий присвоения рода в русском и ряде других языков был также посвящен доклад О. Стериополо (O. Steriopolo) и М. Вильчко (M. Wiltshko, Университет штата Британская Колумбия, Канада) «Distributed gender hypothesis» («Гипотеза о распределенном роде»).

П.В. Гращенков (ИВ РАН, Москва) и Е.А. Лютикова (МГУ) в докладе «Comparative and adjectival phrases: What is richer, heavier and more sound» («Синтаксическая структура положительной и сравнительной степени прилагательных») рассмотрели целый ряд синтаксических и морфологических свойств различных форм сравнительной степени прилагательных в русском языке и выдвинули гипотезу о возможной синтаксической структуре сравнительных конструкций. Сходной проблеме, но на материале эллипси-

са, был посвящен и доклад Е. Романовой (Институт международных отношений, Екатеринбург) в докладе «Subdeletion structures as additional evidence for different analysis of synthetic and analytic comparatives in Russian» («О свидетельствах эллипсиса в пользу различной структуры синтетической и аналитической сравнительной степени в русском языке»).

А.Б. Летучий (РГГУ и ИРЯ РАН, Москва) в докладе «Russian double reciprocals: what do they really mean and why» («Двойные реципроки в русском языке: что они значат и почему») рассмотрел семантику и прагматику русских конструкций с «дублированием» реципрокального показателя (ср. *Совершенно незнакомые люди целовались друг с другом*, где представлено как взаимное употребление возвратного глагола, так и взаимное местоимение) и выдвинул гипотезу о том, что местоимение *друг друга* обозначает не собственно взаимность, а скорее смену участников ситуации.

П. Бискуп (P. Biskup, Университет Лейпцига, Германия) в докладе «Prepositional projections» («Проекция предлогов») рассматривал морфологическую структуру и свойства падежного управления пространственных показателей (предлогов и наречий) в русском и чешском и выдвинул гипотезу о скрытой синтаксической структуре предложных групп в этих языках. Ф. Марушич (F. Marušić) и Р. Зауцер (R. Žaucer, Университет г. Нова Горица, Словения) в докладе «Clitic doubling in a determinerless language with second position clitics» («Местоименная реприза в безартиклевом языке с вакернагелевскими клитиками») рассмотрели синтаксические и морфологические особенности местоименных клитик в ряде словенских диалектов и отметили, что эти данные представляют собою контрпример к обобщению З. Бошковица о том, что дублирование именных групп клитиками возможно лишь в языках с артиклями.

П. Яблоньская (P. Jabłońska, Университет Вроцлава, Польша) в докладе «On the source of parochialism in case transmission» («Об истоках неуниверсальности в падежном согласовании») предложила технически чрезвычайно виртуозную теорию, призванную объяснить сходства и различия в падежном оформлении плавающих определителей (*сам, один*) и предикатных имен в конструкциях с зависимым инфинитивом в польском и ряде других языков.

К.И. Казенин (МГУ) в докладе «Russian gapping: Evidence for deletion» («Геппинг в русском языке: свидетельства в пользу стирания») представил ряд интересных аргументов в пользу того, что русские конструкции с эллипсисом сказуемого (*Священники были лишены сана и сосланы в дальние монастыри, а протопоп Аввакум был сослан в Сибирь*) представляют собой результат стирания элемента структуры, а не синтаксического передвижения.

А. Ируцун (A. Irurtzun) и Н. Мадариага (N. Madariaga, Университет Страны басков, Испания) в докладе «A minimalist approach to DP-internal scrambling in Russian» («Минималистский подход к передвижениям внутри именной группы в русском языке») предложили синтаксический анализ нескольких конструкций с выносом составляющей именной группы в русском языке, в частности, препозиции вершинного имени (*Я постирал носки красные, Мужу её был тридцать один год*) и аппроксимативной инверсии групп с числительным (*Человек пять пришло*). Е. Тругман (H. Trugman, Холонский технологический институт, Израиль) в докладе «Number-less modifiers of bare nouns in Russian» («Неоформленные по числу определения имен в русском языке») проанализировала ряд случаев употребления единственного числа имени для обозначения потенциально множественных референтов (генерические, родовые, предикатные и экспрессивные) и предложила объяснение допустимой в таких случаях постпозиции прилагательных (вроде *ветчина рубленая* или *пьянь подзаборная*). О.В. Митренина (СПбГУ) в докладе «The syntax of correlatives in Russian» («Синтаксис русских коррелятивов») рассмотрела интересные синтаксические свойства коррелятивов в русском языке (*Которые не работают, те пусть и не едят*) и выдвинула ряд гипотез об их возможном синтаксическом анализе.

Конференция FDSL-7.5 вызвала немалый интерес со стороны московских и петербургских лингвистов. Почти все доклады вызвали активные дискуссии. По результатам конференции планируется издать сборник трудов в издательстве Peter Lang (Франкфурт).

И.М. Аркадьев
(Москва)